
Самсон Гелхвидзе
История.
Мужество.
Любовь к Родине.
На перекрёстке империй
Роман
18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

НА ПЕРЕКРЁСТКЕ ИМПЕРИЙ – (роман)

«Автор»
2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

НА ПЕРЕКРЁСТКЕ ИМПЕРИЙ – (роман) / С. ГЕЛХВИДЗЕ — «Автор», 2026

Роман посвящён одной из наиболее драматических эпох грузинской истории и судьбе выдающегося правителя XVIII века — Ираклия II.Перед читателем раскрывается не просто биография царя, а масштабная человеческая и государственная драма. На фоне противостояния Персии, Османской империи и России автор показывает сложнейший путь грузинского государя, стремившегося объединить страну, укрепить её независимость и обеспечить своему народу достойное будущее.Особую выразительность произведению придаёт образ самого Ираклия. Он предстаёт не бронзовым памятником и не безупречным героем, а живым человеком — мужественным воином, дальновидным политиком, любящим отцом, правителем, которому приходилось выбирать между трудными решениями и нести ответственность за их последствия.Кульминацией романа становится Крцанисская трагедия 1795 года — испытание, в котором соединились личная драма старого царя и трагическая судьба целой страны.

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026
© Автор, 2026

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
НА ПЕРЕКРЁСТКЕ ИМПЕРИЙ – (роман)

НА ПЕРЕКРЁСТКЕ ИМПЕРИЙ – (роман)

Исторический роман

ПРОЛОГ

Царь среди пепла

Тифлис ещё не успел остыть после пожара.

Над городом стоял тяжёлый запах дыма, смешанный с пылью разрушенных домов. Там, где совсем недавно шумели базары, спорили торговцы, звенели медные подносы и перекликались люди на разных языках, теперь лежали обгоревшие балки, расколотые двери и камни, почерневшие от огня. На улицах попадались брошенные повозки, разбитая посуда, обрывки одежды. Ветер поднимал пепел и гнал его вдоль пустых переулков, словно пытался скрыть от живых то, что уже невозможно было забыть.

Царь Ираклий II смотрел на свою столицу с высоты, откуда прежде любил наблюдать за её пробуждением.

Он стоял неподвижно, опираясь на трость. За долгие годы он привык встречать опасность лицом к лицу, привык к походам, переговорам, изменам и победам. Ему доводилось видеть поля, усеянные телами воинов, слышать последние слова умирающих и принимать решения, от которых зависели тысячи жизней. Но то, что предстало перед ним теперь, оказалось тяжелее многих поражений.

Перед ним лежал город, который он поднимал из разорения, в который возвращал торговлю, ремесло, жизнь. Город, где рядом жили грузины, армяне, персы, евреи, где в узких улицах звучали разные языки, а над крышами поднимались купола церквей и минареты мечетей. Тифлис был не только столицей. Он был доказательством того, что Грузия ещё способна жить, несмотря на всё, что веками обрушивалось на неё.

Теперь это доказательство лежало в руинах.

— Ваше величество, вам нельзя здесь оставаться, — произнёс стоявший позади военачальник.

Ираклий не обернулся.

— А где мне оставаться, если это мой город?

— Войско шаха ушло, но вокруг ещё небезопасно. Нужно позаботиться о вашей охране.

— Охрана, — повторил царь, будто пробуя слово на вкус. — Скажи мне, сколько людей сегодня лишились крова?

Военачальник замолчал.

— Сколько матерей ищут детей? Сколько детей остались без родителей? Сколько стариков не дожили до утра? Ты можешь ответить?

— Нет, государь.

— А я тоже не могу. И потому не спрашивай меня сейчас о собственной безопасности.

Он сделал несколько шагов по неровной земле. Трость коснулась камня, и этот негромкий звук показался ему непривычно громким среди мёртвой тишины.

Неподалёку двое мужчин разбирали обрушившуюся стену. Один отбрасывал камни, другой осторожно разгребал руками пепел. Из-под обломков показалась деревянная игрушка — маленькая лошадка с обгоревшей гривой. Мужчина поднял её, долго смотрел, затем прижал к груди.

Ираклий остановился.

— Чей это дом? — спросил он.

— Не знаю, государь.

— А люди?

— Одни погибли. Другие ушли из города. Многие ещё не найдены.

Царь отвёл взгляд.

Когда-то он думал, что государство можно укрепить терпением, волей и верно выбранными союзами. Он верил, что если объединить земли, собрать войско, наладить управление и добиться признания сильных держав, то Грузия получит время для мирного развития. Время, которого ей так долго не хватало.

Но время снова оказалось сильнее человеческих намерений.

На протяжении всей своей жизни Ираклий пытался удержать страну между силами, каждая из которых желала видеть её частью собственного мира. Персидские правители вспоминали прежнюю зависимость грузинских земель и требовали покорности. Османская Порта смотрела на Кавказ как на пространство, где нельзя допустить усиления соперников. Россия говорила о единоверии и защите, но за словами о дружбе стояли собственные государственные интересы.

Ираклий знал это. Знал давно.

И всё же надеялся, что однажды ему удастся найти такое равновесие, при котором Грузия перестанет быть добычей чужих государей.

Теперь перед ним лежал ответ на многие годы его усилий.

— Государь, — снова обратился военачальник, — нам необходимо решить, что делать дальше.

Ираклий медленно повернулся.

— Дальше?

— Да. Нужно собрать оставшихся людей, выяснить положение в Картли и Кахетии, восстановить связь с князьями. Надо понять, где находятся наши силы.

Царь посмотрел на него с усталой строгостью.

— Ты говоришь так, словно мы потеряли только город.

— Я говорю о том, что ещё можно спасти.

Эти слова заставили Ираклия замолчать.

Он снова посмотрел на Тифлис. Внизу, среди развалин, женщина пыталась поднять тяжёлый обломок деревянной балки. Рядом стоял мальчик лет десяти и держал в руках глиняный кувшин с отколотым краем. Женщина что-то сказала ему, и мальчик кивнул. Затем оба снова принялись разбирать завал.

Они не ждали приказа царя. Не спрашивали, кто виноват. Просто пытались спасти то немногое, что ещё оставалось от их дома.

Ираклий почувствовал, как внутри него поднимается нечто, чему он уже не мог дать прежнего названия. Это была не ярость воина, не гнев правителя, не страх перед новым нашествием. Скорее, тяжёлое сознание того, что государство не заканчивается вместе с поражением его войска и не исчезает под развалинами столицы.

Оно продолжает жить в людях.

— Собери совет, — сказал он наконец. — Но прежде найди тех, кто ещё может помочь пострадавшим. Нужны хлеб, вода, лекарства, кров. И пусть никто не думает, что сейчас важнее царский двор, чем дома простых людей.

— Будет исполнено, государь.

Военачальник поклонился и отошёл.

Ираклий остался один.

Он снял с головы шапку и провёл ладонью по седым волосам. Когда-то он был молодым человеком, которому казалось, что даже самые тяжёлые испытания можно преодолеть, если не отступать. Он видел смерть близких, пережил борьбу за престол, объединял земли, сражался с врагами и заключал договоры с теми, кому не мог до конца доверять. Он старел, но не переставал верить, что его труд однажды принесёт стране устойчивый мир.

Теперь ему предстояло понять, что именно осталось от этого труда.

Солнце медленно поднималось над горами. Его первые лучи коснулись обугленных крыш, стен и башен. В одном из уцелевших дворов кто-то разжёг огонь. Тонкая струйка дыма поднялась к небу — не от пожара, а от домашнего очага.

Царь долго смотрел на неё.

Может быть, именно с этого начиналось возвращение к жизни: не с победных речей и не с торжественных распоряжений, а с маленького огня, который человек зажигал среди руин, потому что всё ещё хотел жить.

Ираклий надел шапку.

Он ещё не знал, сколько времени ему отпущено. Не знал, удастся ли восстановить Тифлис и сохранить независимость царства. Не знал, что скажут о нём потомки — простят ли ошибки, вспомнят ли победы, поймут ли, насколько трудным был каждый его выбор.

Но одно он знал точно: пока в этой земле оставались люди, пока над её горами поднималось солнце и в разрушенных домах снова зажигали огонь, история Грузии не была окончена.

Он повернулся к городу и тихо произнёс:

— Мы ещё вернёмся.

И в этих словах не было ни обещания победы, ни уверенности в завтрашнем дне. Только воля человека, который слишком долго нёс на своих плечах корону, чтобы теперь позволить ей стать последним украшением среди развалин.

За несколько десятилетий до этого утра, когда Тифлис ещё не знал, что ему предстоит пережить, в грузинской земле родился мальчик, которому суждено было стать царём.

Он появился на свет в эпоху, когда сама судьба страны напоминала дорогу, проходившую между двумя надвигающимися бурями.

Его назвали Ираклием.

И никто тогда не мог знать, что однажды ему придётся выбирать между надеждой и необходимостью, между верностью союзникам и спасением собственного царства, между тем, что обещают могущественные правители, и тем, что диктует суровая действительность.

Ему предстояло пройти через войны, короны, договоры и поражения. И однажды оказаться на перекрёстке империй.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СЫН БЕСПОКОЙНОГО ВРЕМЕНИ

Глава 1. Рождение под тревожным небом

В тот год осень пришла в Кахетию раньше обычного.

В садах Телави уже желтели листья, виноградники отдавали последние гроздья, а над Алазанской долиной по утрам стелился туман. В ясные дни издали были видны снежные вершины Кавказа. Они казались спокойными и величественными, словно ничто на свете не могло нарушить их вечного покоя. Но люди, жившие у подножия этих гор, давно знали: спокойствие природы ещё не означает спокойствия человеческой жизни.

Грузия вступила в XVIII столетие ослабленной и разобщённой. Картли и Кахетия жили под властью собственных царей, западные грузинские земли оставались разделёнными между княжествами и царскими домами. Вражда между местными правителями нередко причиняла стране не меньше вреда, чем вторжения извне. Персидские шахи и османские султаны по-прежнему считали Кавказ важной частью своих политических владений, а каждый новый спор между грузинскими князьями становился для соседей удобной возможностью вмешаться в дела страны.

В Телави об этом говорили не только при дворе. Купцы обсуждали положение на дорогах, священники молились о мире, крестьяне опасались новых поборов и военных походов. Даже праздничные застолья редко обходились без разговоров о том, что происходит за пределами родных долин.

В царском доме ожидали рождения ребёнка.

Для Теймураза, правителя Кахетии, это событие имело не только семейное значение. Он понимал, что в беспокойное время продолжение царского рода становилось вопросом государственной устойчивости. Наследник должен был однажды принять на себя не просто власть, но и все противоречия, накопившиеся вокруг грузинских земель.

Тамар, супруга Теймураза, происходила из царского рода Багратионов. Она была дочерью Вахтанга VI — человека образованного, деятельного, оставившего заметный след в грузинской истории. Судьба её отца, вынужденного искать убежище вдали от родины, была постоянным напоминанием о том, насколько непрочным может оказаться положение даже самого могущественного правителя.

В ту ночь во дворце горели свечи.

За окнами шумел ветер. Где-то во внутреннем дворе негромко переговаривались стражники, а в соседнем помещении несколько женщин ожидали новостей. Теймураз находился в своих покоях, но сосредоточиться на чтении не мог. Он несколько раз откладывал раскрытую книгу, подходил к окну и снова возвращался к столу.

— Государь, — негромко произнёс вошедший слуга, — всё идёт благополучно. Вам передадут, как только появятся новости.

Теймураз посмотрел на него.

— Я знаю. Но разве от этого ожидание становится легче?

Слуга опустил голову.

— Простите, государь.

— Не за что просить прощения. Ступай.

Оставшись один, царь подошёл к окну. Он видел тёмные очертания крыш, дворцовые стены и далёкие огни города. За этими стенами жили люди, которые завтра снова отправятся на работу, откроют лавки, поведут скот на пастбища. Они не знали, какие решения будут приняты в царском дворце, но именно от этих решений во многом зависела их жизнь.

Теймураз понимал ответственность правителя. Он слишком хорошо знал, как дорого обходится слабость государства, когда его соседи сильнее, многочисленнее и богаче.

Наконец дверь открылась.

На пороге появилась пожилая женщина. Её лицо было усталым, но в глазах светилась радость.

— Поздравляю вас, государь. Родился сын.

Теймураз несколько мгновений молчал, словно не сразу поверил услышанному.

— Тамар?

— С ней всё благополучно. Мальчик крепкий.

Царь медленно выдохнул. Напряжение, державшее его последние часы, отступило, и на лице появилось выражение, которое редко видели при дворе.

— Благодарю Бога, — произнёс он.

Он прошёл в соседнюю комнату, где находилась Тамар. Она лежала на постели, бледная после тяжёлых часов, но улыбалась. Рядом, в колыбели, спал младенец, укрытый лёгким покрывалом.

Теймураз остановился возле жены.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Теперь лучше, — ответила Тамар. — А ты всё это время ходил по дворцу?

— Мне казалось, что если я буду стоять на месте, время остановится.

Она тихо рассмеялась.

— Время не останавливается, государь. Оно не спрашивает даже царей.

Теймураз посмотрел на сына.

— Как думаешь, каким он вырастет?

— Таким, каким позволит ему Бог и каким его воспитает жизнь.

— Жизнь у него будет непростой.

Тамар повернула голову к мужу.

— Не начинай говорить о войнах в первую же ночь его жизни.

— Я не о войнах, Тамар. Я о том, что ему предстоит.

— Ему ещё предстоит научиться держать голову, прежде чем ты возложишь на неё корону.

Теймураз улыбнулся. В этих словах была и нежность, и привычная ему мудрость супруги.

Он наклонился над колыбелью. Мальчик пошевелился, открыл глаза и на мгновение посмотрел на отца. Взгляд младенца был ещё неосмысленным, но Теймураз почему-то задержался, словно пытался увидеть в нём что-то большее.

— Ираклий, — произнёс он наконец.

Имя было выбрано не случайно. Оно напоминало о великом грузинском прошлом, о царях и героях, чьи имена пережили столетия. Но в ту ночь никто не произносил громких речей о предназначении младенца. Для родителей он был прежде всего сыном, которого они ждали и за которого теперь молились.

Тамар осторожно коснулась его руки.

— Пусть он вырастет достойным человеком.

— И хорошим царём, если ему суждено царствовать, — добавил Теймураз.

— Сначала пусть станет хорошим человеком. Остальному его научит жизнь.

Царь ничего не ответил. Он ещё немного постоял возле колыбели, затем поцеловал жену в лоб и вышел из комнаты.

Утром весть о рождении наследника разнеслась по Телави. Во дворце служили благодарственный молебен, приближённые поздравляли царскую семью, а во дворе раздавались голоса слуг и придворных. В городе тоже говорили о событии. Одни желали мальчику долгой жизни, другие надеялись, что появление наследника укрепит положение царского дома.

Старый священник, служивший в одной из церквей неподалёку от дворца, узнал о рождении ребёнка от прихожанина.

— Значит, у царя родился сын? — переспросил он.

— Да, отец. Говорят, мальчика назвали Ираклием.

Священник перекрестился.

— Да сохранит его Господь.

— Хороший знак для страны?

Старик посмотрел на собеседника.

— Рождение ребёнка всегда радость. А каким знаком он станет для страны, покажут его поступки.

Эти слова не были предназначены для царского двора. Они прозвучали в маленькой церкви, среди обычных людей, и никто не придал им особого значения. Но в них заключалась истина, которую будущему царю предстояло познавать всю жизнь.

Первые годы Ираклия прошли в окружении, где детство соседствовало с тревогой.

Во дворце он видел людей, говоривших о власти, землях и военных приготовлениях. Слуги приносили вести из соседних владений, посланники приезжали и уезжали, военачальники обсуждали состояние дорог и крепостей. За праздничными столами произносили тосты за царя и его семью, но стоило гостям разойтись, как разговоры снова возвращались к опасностям, подстерегавшим страну.

Мальчик не понимал смысла этих бесед, однако постепенно привыкал к их тону. Он замечал, что после некоторых известий отец становился молчаливым, а мать дольше обычного задерживалась в молитве.

Тамар старалась оградить сына от чрезмерной суровости дворцовой жизни. Она хотела, чтобы он не только учился владеть оружием и понимать обязанности наследника, но и оставался способным чувствовать чужую боль.

Однажды, когда Ираклию было около пяти лет, она взяла его с собой во внутренний двор. Там, у стены, сидел старый слуга, перевязывавший порезанную руку.

Мальчик остановился.

— Что с ним?

— Он поранился, когда чинил ограду, — ответила мать.

— Почему ему никто не помогает?

— Помогают. Но он не хочет оставлять работу.

Ираклий подошёл к старику.

— Тебе больно?

Слуга удивлённо посмотрел на ребёнка.

— Немного, господин.

— А почему ты не пошёл к лекарю?

— У лекаря и без меня хватает забот.

Мальчик повернулся к матери.

— Пусть его осмотрят.

Тамар внимательно посмотрела на сына.

— Хорошо. Я распоряжусь.

Старик попытался подняться, но она жестом остановила его.

— Сиди. Сегодня ты больше не работаешь.

Когда они отошли, Ираклий спросил:

— Мама, а если бы я не увидел его?

— Тогда, возможно, он продолжал бы терпеть боль.

— Значит, надо смотреть, что происходит вокруг?

Тамар улыбнулась.

— Особенно если однажды тебе придётся отвечать за других.

Мальчик задумался. Слова матери были ему ещё не вполне понятны, но он запомнил их.

Теймураз наблюдал за воспитанием сына с иной стороны. Он считал, что наследник должен рано привыкать к трудностям. В его понимании царская власть не была удобством или почётным званием. Она требовала знания людей, умения принимать решения и готовности отвечать за последствия.

Когда Ираклий подрос, отец стал брать его на встречи с военачальниками и приближёнными. Сначала мальчик только слушал, сидя в стороне. Иногда ему позволяли задать вопрос, но чаще он молчал, стараясь понять, почему взрослые люди так долго спорят о вещах, которые на первый взгляд казались простыми.

Однажды во время совета речь зашла о приграничных владениях. Один из приближённых настаивал на жёстком наказании местного князя, отказавшегося выполнить распоряжение царя.

— Если сегодня мы уступим, завтра не останется ни одного человека, который станет считаться с нашей властью, — говорил он.

Другой возражал:

— Но если лишить его владений, его родственники поднимут людей. Нам придётся отправлять войско, а это ослабит границу.

Теймураз выслушал обоих.

— А что предложишь ты? — неожиданно спросил он сына.

Ираклий растерялся. Все взгляды обратились к нему.

— Я не знаю, отец.

— Тогда подумай.

Мальчик некоторое время молчал.

— Может быть, сначала спросить, почему он не выполнил приказ?

Некоторые придворные переглянулись. Один из них едва заметно улыбнулся.

— А если он просто не хочет подчиняться? — спросил царь.

— Тогда он всё равно должен объяснить почему. Если его накажут, не узнав причины, другие могут решить, что их тоже не станут слушать.

Теймураз не стал хвалить сына. Он только кивнул и продолжил совет.

Но после заседания, когда они остались вдвоём, царь остановился возле окна.

— Ты сказал разумную вещь.

Ираклий поднял голову.

— Значит, его не накажут?

— Не спеши делать выводы. Иногда правитель должен наказать человека, даже если понимает его причины. Но прежде он обязан разобраться, что произошло.

— А если наказание вызовет войну?

— Тогда нужно думать о том, что будет после войны. И о том, сколько людей погибнет из-за решения, которое сегодня кажется необходимым.

Мальчик нахмурился.

— Получается, царю всегда трудно?

Теймураз посмотрел на сына.

— Если он действительно думает о стране, ему редко бывает легко.

Ираклий запомнил этот разговор. Впереди его ждали десятки советов, сотни переговоров и решения, последствия которых невозможно было предугадать. Но уже тогда он начинал понимать: власть не освобождает человека от сомнений. Она делает его ответственным за то, что произойдёт после них.

Вечером Тамар читала сыну старинное грузинское предание. Ираклий лежал на подушках и слушал, иногда перебивая мать вопросами. За окнами шумел ветер, а в глубине дворца негромко играла музыка.

Когда рассказ закончился, мальчик спросил:

— Мама, а Грузия всегда была такой?

— Какой?

— Чтобы вокруг были враги и приходилось воевать.

Тамар закрыла книгу.

— Нет, сынок. Были времена, когда страна была сильнее, когда её цари могли сами решать, что делать, когда люди строили дома и не боялись, что завтра придёт чужое войско.

— А почему теперь не так?

Она не сразу ответила.

— Потому что люди иногда забывают, что у них одна земля. Начинают спорить, кому принадлежит больше власти, кто важнее, кто должен уступить. А когда они ссорятся между собой, приходят другие и пользуются их слабостью.

— Значит, надо всех помирить?

Тамар посмотрела на него с тихой улыбкой.

— Если бы это было так просто…

— А ты думаешь, у меня получится?

Она провела ладонью по его волосам.

— Я думаю, что тебе ещё рано решать судьбу Грузии. Сейчас твоя задача — расти, учиться и не забывать, что за каждым царским приказом стоят живые люди.

Ираклий повернулся на бок.

— А если я вырасту и стану царём?

— Тогда вспомнишь этот разговор.

Она наклонилась и поцеловала его в лоб.

Мальчик скоро уснул. Тамар ещё некоторое время сидела возле него, слушая ровное дыхание сына. За окном темнела Кахетия. Далеко за горами находились владения правителей, чьи имена в будущем станут знакомыми Ираклию не по книгам, а по донесениям, переговорам и угрозам.

Он ещё не знал, что ему предстоит стать не только царём Кахетии, но и правителем объединённых Картли и Кахетии, что его имя будет связано с надеждами на возрождение грузинской государственности. Не знал, что однажды ему придётся просить помощи у далёкой северной державы, договариваться с персидскими властителями и искать выход там, где каждая дорога будет вести к новой опасности.

Пока он был просто ребёнком, родившимся в доме, где слишком хорошо помнили цену утраченной свободы.

И всё же в ту ночь над Телави было тихо. Над крышами медленно поднималась луна, в садах шелестели листья, а в окнах царского дворца постепенно гасли огни.

Грузия ещё не знала своего будущего царя. А будущий царь только начинал узнавать свою страну.

Глава 2. Наследник двух царств

Детство Ираклия проходило между двумя мирами. Один был миром дворцовых покоев, семейных бесед и учителей, другой — миром тревожных известий, военных приготовлений и политических расчётов. Иногда эти миры соприкасались так неожиданно, что мальчик начинал понимать: жизнь царского сына не будет похожа на жизнь других детей.

Отец редко говорил с ним о будущем прямо. Теймураз не хотел преждевременно возлагать на сына бремя, которого тот ещё не мог осознать. Но он не скрывал от него того, что происходило вокруг. Если прибывал гонец из соседнего владения, если приезжали послы или во дворце собирался совет, Ираклий нередко оказывался поблизости.

Он уже знал, что за названиями далёких городов и стран стоят не просто земли на карте, а люди, армии, правители и интересы, которые могут однажды пересечься с судьбой Кахетии.

Однажды утром отец позвал его в сад.

Теймураз сидел под старой виноградной беседкой. Перед ним лежали несколько писем, а рядом стоял небольшой деревянный ларец с печатями. Царь выглядел задумчивым.

— Подойди, Ираклий.

Мальчик приблизился и поклонился.

— Ты уже умеешь читать письмо по-грузински?

— Да, отец. И немного по-персидски.

— Кто тебя учит?

— Учитель Давид. Он говорит, что царю нужно знать языки соседей.

Теймураз усмехнулся.

— Учитель не ошибается. Иногда одно неверно понятое слово обходится дороже проигранного сражения.

Он взял письмо и развернул его.

— Посмотри на эту печать. Узнаёшь?

Ираклий внимательно рассмотрел изображение.

— Нет.

— Это печать одного из персидских сановников. Он пишет о положении в пограничных областях и требует, чтобы мы подтвердили нашу верность шаху.

— Разве мы не свободны?

Теймураз не ответил сразу. Он положил письмо на стол.

— Скажи, что такое свобода?

Мальчик задумался.

— Когда человек сам решает, что ему делать.

— А если он не может защитить свой дом?

— Тогда другой может прийти и заставить его делать то, чего он не хочет.

— Именно. А теперь представь, что речь идёт не об одном доме, а о целом царстве.

Ираклий посмотрел на отца.

— Значит, свобода зависит от силы?

— Не только. Но без силы её трудно сохранить. И запомни ещё одно: сила бывает разной. Есть сила оружия, есть сила разума, есть сила единства. Правитель, который полагается только на меч, рано или поздно останется без людей, готовых идти за ним.

Теймураз снова взглянул на письмо.

— Персия велика. У неё богатые города, многочисленные войска и давние притязания на грузинские земли. Османская империя тоже не забывает о Кавказе. А мы должны думать, как сохранить собственную волю среди этих интересов.

— Почему они не оставят нас в покое?

— Потому что наше положение важно для них. Через Кавказ проходят дороги, связывающие большие государства. Кто контролирует эти дороги, тот получает преимущество в торговле и войне.

— Значит, они хотят владеть нашей землёй из-за дорог?

— И из-за дорог, и из-за крепостей, и из-за самой возможности влиять на соседей. Государства редко смотрят на чужую землю глазами её жителей.

Ираклий долго молчал.

— А мы можем стать такими же сильными?

Теймураз посмотрел на сына. Вопрос был детским, но за ним чувствовалось искреннее желание понять, почему его родина должна постоянно оглядываться на чужую волю.

— Можем стать сильнее, — ответил царь. — Но для этого нам нужно многое изменить. И прежде всего перестать расходовать силы на борьбу друг с другом.

В этот момент к беседке подошёл придворный.

— Государь, прибыли посланники из соседнего владения. Они просят принять их сегодня.

— Пусть ожидают. Я приму их после полудня.

Придворный поклонился и ушёл.

Теймураз собрал письма.

— Пойдём. Сегодня ты увидишь, как люди договариваются о том, что считают своей выгодой.

Посланники прибыли в сопровождении небольшой свиты. Их встречали с соблюдением придворного этикета, однако за внешней учтивостью чувствовалась настороженность. Каждый знал, что за красивыми словами могут скрываться требования, которые другой стороне будет трудно принять.

Ираклий находился в соседнем помещении и слышал разговор через приоткрытую дверь.

Сначала говорили о торговле, безопасности дорог и взаимной помощи. Затем разговор перешёл к пограничным землям. Посланник настаивал, что его господин имеет законные права на несколько селений. Представитель Теймураза возражал, ссылаясь на прежние договорённости.

Голоса постепенно становились жёстче.

— Наш господин не намерен отказываться от того, что принадлежало его предкам, — произнёс посланник.

— Но и наш царь не может уступить землю только потому, что кто-то вспомнил о давних притязаниях, — ответил придворный.

Теймураз поднял руку.

— Довольно. Мы не собрались здесь для того, чтобы обмениваться угрозами. Пусть каждая сторона представит свои доводы письменно. Я рассмотрю их и дам ответ.

Посланники переглянулись. Они ожидали более определённого решения, но возразить не могли.

Когда встреча закончилась, Ираклий вышел из соседней комнаты.

— Отец, почему ты не сказал им сразу, что земля наша?

— Потому что я должен был сначала выслушать их требования.

— Но ведь они могут вернуться с войском.

— Могут.

— Тогда зачем разговаривать?

Теймураз остановился.

— Потому что война — не единственный способ защитить своё право. Иногда нужно выиграть время, иногда найти свидетелей и союзников, иногда показать противнику, что нападение обойдётся ему дороже, чем уступка. Но бывают обстоятельства, когда переговоры заканчиваются и остаётся только оружие.

— А как понять, когда наступает такой момент?

Царь посмотрел на сына.

— Вот этому ты и будешь учиться всю жизнь.

В последующие годы Ираклий всё чаще сопровождал отца на военные смотры. Он видел, как проверяют оружие, как обучают молодых воинов, как старые командиры спорят о расположении отрядов. Его поражало, что за каждым решением скрывалась не только военная задача, но и человеческая судьба.

Однажды во время осмотра конницы молодой всадник не справился с лошадью и упал. Несколько человек бросились ему на помощь. Командир, стоявший рядом, сердито приказал продолжать построение.

— Не задерживать смотр! — крикнул он.

Ираклий заметил, что юноша лежит неподвижно.

— Он ранен, — сказал мальчик.

— Встанет, — ответил командир. — В походе некогда ждать каждого.

Ираклий хотел возразить, но отец остановил его взглядом. Только после завершения смотра Теймураз приказал осмотреть пострадавшего. Выяснилось, что всадник получил серьёзное повреждение ноги и не сможет продолжать службу некоторое время.

— Почему ты не позволил мне сразу помочь ему? — спросил Ираклий, когда они возвращались во дворец.

— Потому что ты должен был увидеть не только свою правоту, но и порядок, который поддерживает войско.

— Но ведь он мог погибнуть!

— Поэтому я и распорядился его осмотреть. Командир обязан поддерживать дисциплину, однако дисциплина не должна превращаться в жестокость. Если воин знает, что его бросят при первой беде, он не станет доверять своему начальнику.

Ираклий задумался.

В тот вечер он долго не мог уснуть. Перед глазами стоял упавший всадник, его испуганная лошадь и люди, которые продолжали движение, словно ничего не произошло.

Постепенно мальчик начинал понимать, что царская власть состоит из множества подобных противоречий. Нужно быть требовательным, но не бессердечным; осторожным, но не трусливым; твёрдым, но не упрямым. И самое трудное — принимать решения, когда ни один из возможных путей не обещает полного спасения.

Впереди у него было ещё много лет учения. Но история уже готовила ему уроки, которые нельзя было получить ни от одного наставника.

В царском доме Ираклия воспитывали не только как наследника, но и как представителя династии Багратионов. Его родословная связывала его с несколькими ветвями грузинского царского дома, и это имело значение в стране, где право на престол нередко становилось предметом политической борьбы.

Теймураз понимал, что одного происхождения недостаточно. Признание правителя зависело не только от родословной, но и от того, сможет ли он удержать власть, обеспечить безопасность владений и добиться поддержки влиятельных семей.

— Царский род — это не только предки, — однажды сказал он сыну. — Это ещё и долг перед теми, кто будет жить после тебя.

— А если потомки окажутся лучше нас?

— Тогда нам следует радоваться. Значит, мы не напрасно жили.

Ираклий посмотрел на отца.

— А если хуже?

— Тогда они будут отвечать за собственные поступки. Но не думай, что прошлое можно отделить от будущего. Каждый правитель оставляет после себя не только крепости и договоры. Он оставляет людям то, с чем им придётся жить.

Эти слова были произнесены спокойно, без назидания. Теймураз не пытался сделать из сына человека, который будет повторять его решения. Он хотел, чтобы тот научился видеть дальше ближайшего дня.

Но судьба готовила Ираклию испытания, в которых даже опыт отца не всегда мог бы стать надёжной опорой.

Время постепенно приближало его к той жизни, где семейное наследие переставало быть почётным воспоминанием и становилось обязанностью.

А пока над Кахетией продолжали сгущаться тучи.

Глава 3. Уроки отца

Зима в Телави была суровой, но недолгой. С гор спускался холодный ветер, по утрам на крышах лежал иней, а дороги после ночных заморозков становились скользкими и тяжёлыми. Во дворце топили большие очаги, слуги носили дрова, а придворные старались не задерживаться во внутренних переходах.

Ираклий уже заметно повзрослел. В нём появлялась та сосредоточенность, которая отличала его от многих сверстников. Он мог часами заниматься чтением, но с не меньшим интересом наблюдал за конными упражнениями и военными занятиями. Учителя отмечали его сообразительность, однако иногда жаловались, что ученик задаёт слишком много вопросов и не всегда удовлетворяется готовыми ответами.

Особенно часто он спорил с наставником по истории.

— Если царь победил в сражении, значит ли это, что он был хорошим правителем? — спросил однажды Ираклий.

Учитель, пожилой человек с аккуратно подстриженной бородой, отложил книгу.

— Победа, безусловно, свидетельствует о его способностях.

— А если после победы страна стала беднее?

— Возможно, победа была достигнута слишком дорогой ценой.

— Тогда почему в книгах пишут только о победе?

Учитель задумался.

— Потому что летописцы чаще записывают события, чем оценивают их последствия.

— Значит, историю можно рассказать по-разному?

— Можно по-разному расставить акценты. Но нельзя менять то, что произошло.

Ираклий удовлетворённо кивнул.

— Тогда я хочу знать не только имена победителей, но и то, что случилось с людьми после их побед.

Учитель посмотрел на ученика с неподдельным интересом.

— Это хорошее желание. Только помни: далеко не всякая летопись отвечает на такие вопросы.

Теймураз всё чаще приглашал сына на разговоры, касавшиеся положения страны. Иногда это происходило во дворце, иногда во время поездок по владениям. Отец хотел, чтобы Ираклий видел не только парадную сторону царской власти.

Однажды они отправились в небольшое селение неподалёку от Телави. Там предстояло встретиться с местными старейшинами и обсудить состояние ирригационных каналов, от которых зависели урожаи нескольких деревень.

Царь приехал без многочисленной свиты. Его сопровождали несколько всадников, секретарь и Ираклий. Старейшины встретили их у дома сельского священника.

— Государь, — начал один из стариков, — мы просим помочь восстановить канал. После прошлогодних дождей его часть обрушилась, и вода больше не доходит до нижних полей.

— Сколько дворов пострадало? — спросил Теймураз.

— Двадцать семь.

— А почему вы не восстановили его сами?

Старик опустил глаза.

— У нас не хватает людей. Многие ушли на службу, другие работают на чужих землях. Мы собрали сколько могли, но этого недостаточно.

Один из придворных тихо заметил:

— Они могли бы справиться, если бы лучше распределили труд.

Теймураз посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Покажите канал, — распорядился он.

Они прошли по узкой дороге вдоль полей. На одном участке земля осела, каменная кладка разрушилась, а вода уходила в сторону, не достигая нужного русла. Ираклий присел возле повреждённого места и провёл рукой по мокрой земле.

— Если восстановить эту часть, вода снова пойдёт вниз?

— Да, господин, — ответил один из крестьян. — Но потребуется много камня и работа нескольких десятков человек.

— А если сделать здесь новый отвод?

Крестьянин посмотрел на него с удивлением.

— Можно попробовать, но тогда придётся укрепить берег.

Теймураз внимательно слушал.

— Составьте расчёт. Узнайте, сколько потребуется материалов и сколько людей можно привлечь без ущерба для хозяйств. Я распоряжусь выделить необходимое.

Старейшины поклонились. Один из них, совсем седой, произнёс:

— Да хранит вас Господь, государь. Для нас вода порой важнее золота.

Когда они возвращались, Ираклий спросил:

— Отец, почему ты сам поехал смотреть на канал? Разве нельзя было просто приказать его восстановить?

— Можно. Но тогда я не узнал бы, в каком он состоянии и действительно ли людям нужна помощь.

— Ты не доверяешь своим чиновникам?

— Я доверяю тем, кто заслужил доверие. Но правитель не должен полностью отказываться от собственного взгляда на вещи.

— Значит, надо всё проверять самому?

Теймураз улыбнулся.

— Если будешь проверять абсолютно всё, тебе не хватит ни дня, ни ночи. Но ты должен знать, где проверка необходима. Особенно там, где от решения зависит жизнь людей.

Ираклий посмотрел на поля, по которым тянулись узкие полосы земли.

— Получается, царство начинается не во дворце?

— Именно. Оно начинается там, где человек пашет землю, строит дом, растит детей и надеется, что завтра его не лишат того, что он создал собственным трудом.

Эта поездка запомнилась Ираклию сильнее многих придворных наставлений. Он впервые увидел, насколько далеко от царского дворца может находиться настоящая жизнь страны.

Вскоре ему предстояло познакомиться с другой стороной отцовского опыта.

Вечером во дворце собрались военачальники. Из приграничных областей поступили тревожные сведения: на некоторых дорогах появились вооружённые отряды, а местные жители сообщали о грабежах и нападениях.

Теймураз выслушал донесения и приказал подготовить конницу.

— Нужно укрепить заставы, — сказал один из командиров. — Если мы не покажем силы сейчас, нападения продолжатся.

— А если за этими отрядами стоит кто-то из соседних правителей? — спросил другой. — Тогда наши действия могут вызвать более серьёзный конфликт.

— Значит, будем ждать, пока они дойдут до наших селений?

Разговор становился всё напряжённее.

Ираклий сидел рядом с отцом и внимательно слушал.

— Что думаешь? — спросил его Теймураз, когда военачальники замолчали.

— Нужно узнать, кто ими командует.

— А если они продолжат нападения?

— Тогда надо защищать людей.

— А если за ними стоит сильный правитель?

Ираклий немного помолчал.

— Тогда нужно понять, хочет ли он войны. Может быть, он проверяет, насколько мы готовы сопротивляться.

Один из военачальников усмехнулся.

— Государь, молодой господин рассуждает так, словно у нас есть время для долгих размышлений.

Теймураз повернулся к нему.

— Войско должно быть готово действовать. Но готовность не означает, что мы обязаны бросаться в бой, не понимая, против кого выступаем.

Он снова посмотрел на сына.

— Продолжай.

— Если мы отправим людей без достаточных сведений, можем попасть в ловушку. Но если ничего не предпримем, пострадают жители. Значит, нужно одновременно укрепить заставы и отправить разведчиков.

Теймураз некоторое время молчал, затем обратился к военачальникам:

— Так и поступим. Усилить охрану дорог, направить людей для наблюдения, а в ближайшие селения отправить предупреждение. Никто не должен покидать свои дома без необходимости.

Совет продолжился.

После него Ираклий спросил отца:

— Ты согласился со мной потому, что я прав?

— Я согласился с разумной частью твоего предложения. Но не думай, что правитель всегда должен выбирать только между правильным и неправильным. Часто ему приходится выбирать между двумя опасностями.

— И как тогда поступать?

— Сравнивать последствия. Думать о том, что произойдёт не только сегодня, но и через месяц, через год. И никогда не забывать, кто заплатит за твою ошибку.

В те годы Ираклий всё больше времени проводил с оружием. Он учился стрелять из лука, владеть саблей, держаться в седле и управлять лошадью на трудной дороге. Наставники требовали от него дисциплины, но он не любил показных упражнений. Ему хотелось понимать, для чего предназначено каждое движение и как оно поможет в настоящем бою.

Особенно он привязался к одному из старых воинов, которого звали Гиорги. Тот служил ещё при прежних правителях и успел побывать во многих походах. На его лице оставался глубокий шрам, а левая рука двигалась не так свободно, как правая.

Однажды после занятий Ираклий спросил:

— Ты помнишь свою первую битву?

— Помню.

— Ты боялся?

Старый воин рассмеялся.

— А ты думаешь, что страх бывает только у неопытных?

— Но ведь ты был воином.

— Именно поэтому я и боялся. Я знал, что может случиться.

Ираклий задумался.

— А как ты преодолел страх?

Гиорги поправил ремень на поясе.

— Не преодолел. Просто научился не позволять ему командовать мной.

— Значит, храбрость — это не когда человек ничего не боится?

— Храбрость — это когда он понимает опасность, но всё равно делает то, что должен.

— А если приказ неправильный?

Старый воин посмотрел на мальчика.

— Тогда всё становится гораздо сложнее. Воин обязан слушать командира, но не должен забывать о собственной совести. Иначе он превращается в оружие, которым может воспользоваться любой человек.

Ираклий долго обдумывал эти слова.

— А ты когда-нибудь не выполнял приказ?

— Бывало.

— И что произошло?

— Однажды я отказался вести людей через узкое ущелье. Командир торопился и не хотел ждать разведчиков. Я сказал ему, что там может быть засада. Он разгневался, но всё-таки выслушал меня. Позже выяснилось, что за перевалом действительно находились вооружённые люди.

— Тебя наказали?

— Нет. Но с тех пор он больше не считал меня удобным подчинённым.

Гиорги усмехнулся.

— Видишь, господин, иногда полезнее быть неудобным, чем послушным.

Ираклий рассмеялся. Старый воин тоже улыбнулся, но затем его лицо стало серьёзным.

— Запомни, мальчик: если однажды тебе придётся посылать людей в бой, не думай, что они обязаны умирать только потому, что ты приказал. Сначала спроси себя, нельзя ли было поступить иначе.

Эта фраза осталась в памяти Ираклия. Позже, когда ему самому предстояло принимать решения о судьбе войска, он не раз возвращался к ней.

Но самым трудным уроком отца оказалась не военная наука и не искусство управления.

Однажды Теймураз получил известие, которое надолго изменило настроение дворца. В очередной раз обострились отношения с влиятельными людьми, чьи интересы не совпадали с интересами царского дома. За внешними проявлениями почтения скрывались расчёты, а некоторые из тех, кто ещё недавно называл себя верными сторонниками, теперь искали поддержки у соседних правителей.

Ираклий заметил, что отец стал чаще работать допоздна. Он видел, как к нему приходят посланники, как секретари переписывают документы, как в коридорах появляются люди, прежде редко бывавшие при дворе.

В один из вечеров Теймураз позвал сына.

— Сядь рядом.

Ираклий сел напротив.

— Ты уже достаточно взрослый, чтобы понимать: не каждый человек, который улыбается царю, желает ему добра.

— Я знаю, отец.

— Нет. Ты слышал об этом, но ещё не знаешь. Между этими вещами большая разница.

Теймураз подошёл к окну.

— Человек может быть верным тебе, пока ваши интересы совпадают. Но когда ему становится выгоднее перейти на другую сторону, он может забыть все прежние обещания. Это не значит, что нужно подозревать каждого. Но доверие должно иметь основание.

— Тогда кому можно доверять?

— Тем, кто доказал верность поступками. Но даже они могут ошибаться. Поэтому государь не должен строить всю свою политику на личной привязанности.

Ираклий спросил:

— А если человек был твоим другом много лет?

Теймураз обернулся.

— Дружба не освобождает его от ответственности. И тебя тоже.

Он помолчал, затем добавил:

— Однажды ты поймёшь, что самое тяжёлое в царской власти — не враги, которых видно издалека. Гораздо труднее разобраться с теми, кто находится рядом и говорит, что действует ради твоего блага.

Ираклий впервые увидел в отце не только правителя, но и человека, которому приходилось постоянно взвешивать собственные решения и намерения окружающих.

В ту ночь он долго сидел у окна. Внизу, за дворцовыми стенами, светились редкие огни. Где-то далеко лаяли собаки, а над горами поднималась холодная луна.

Он думал о словах отца, о старом воине Гиорги, о людях в селении, которым нужна была вода, о посланниках, требовавших чужую землю.

Постепенно перед ним складывалась картина страны, совсем не похожая на ту, которую можно было увидеть с дворцовой террасы.

Грузия была не только землёй предков, не только царством, которым однажды предстояло управлять. Она была множеством человеческих судеб, связанных между собой общей историей, но разделённых страхами, интересами и давними обидами.

Ираклий ещё не знал, сумеет ли когда-нибудь соединить всё это в одно целое.

Но уже понимал, что именно такая задача может стать смыслом его жизни.

А за пределами Кахетии тем временем происходили события, которые вскоре потребуют от него куда большего, чем умение слушать советы и рассуждать о справедливости. История приближалась к нему не как далёкая угроза, а как сила, способная в любой момент изменить судьбу целого царского дома.

Глава 4. За горами начинается война

Весть пришла ранним утром, когда над Алазанской долиной ещё держался туман.

К воротам царского дворца подъехали трое всадников. Их лошади были покрыты дорожной пылью, а сами посланники выглядели так, словно несколько суток почти не спали. Старший из них спешился с трудом, передал оружие стражнику и попросил немедленно доложить о прибытии.

Теймураз в это время завтракал вместе с Тамар и сыном. Услышав доклад, он отложил чашу.

— Откуда они?

— Из пограничных владений, государь. Говорят, новости срочные.

Царь поднялся.

— Пусть войдут.

Ираклий проводил отца взглядом. Он уже привык к тому, что подобные приезды редко приносили хорошие известия. Тамар заметила его беспокойство.

— Не торопись делать выводы, — сказала она.

— Но если гонцы приехали ночью, значит, случилось что-то серьёзное.

— Возможно. Однако не всякая тревожная весть означает беду.

Мальчик хотел ответить, но в зал вошёл слуга и сообщил, что царь просит его присоединиться к совету.

В большом зале уже собрались военачальники и несколько приближённых. Посланники стояли у стола. Старший из них, человек лет пятидесяти с обветренным лицом, держал в руках свёрнутую грамоту.

— Говори, — приказал Теймураз.

— Государь, за пределами наших владений неспокойно. На дорогах появились вооружённые отряды. Некоторые селения подверглись нападениям. Купцы сообщают о передвижении войск в соседних областях. Есть сведения, что в Персии вновь усилилась борьба за власть.

Один из военачальников нахмурился.

— Кто именно выступил?

— Пока точно неизвестно. Но люди говорят о приближении отрядов, связанных с претендентами на персидский престол.

Теймураз развернул грамоту.

Персия переживала тяжёлый период. После смерти Надир-шаха, некогда подчинившего огромные территории, его державу раздирали борьба за власть и междоусобные столкновения. Различные военачальники и претенденты стремились овладеть наследием прежнего правителя. Кавказские владения, как это бывало прежде, вновь оказались втянуты в чужие политические расчёты.

— Что известно о положении в Тифлисе? — спросил царь.

— Там следят за событиями, государь. Но никто не может сказать, в какую сторону повернётся борьба.

Теймураз посмотрел на посланника.

— А что говорят местные князья?

— Одни обещают сохранять спокойствие. Другие собирают людей и укрепляют свои владения. Некоторые уже пытаются договориться с теми, кто претендует на власть в Персии.

В зале повисла тишина.

Ираклий стоял рядом с отцом и внимательно слушал. Ему было известно, что Персия сильна, но до сих пор она представлялась ему прежде всего далёким государством, с которым приходилось считаться. Теперь он начинал понимать, что даже её внутренние распри могут отозваться на грузинской земле.

— Если они воюют между собой, почему это опасно для нас? — спросил он.

Один из военачальников повернулся к нему.

— Потому что победитель захочет восстановить прежние владения, господин. А для этого ему понадобятся деньги, войска и покорные правители на границах.

— Значит, каждый новый правитель Персии будет требовать от нас подчинения?

— Вероятнее всего.

Теймураз поднял руку, останавливая разговор.

— Мы не знаем, кто победит в этой борьбе. Но должны быть готовы к любому исходу. Усилить наблюдение на дорогах, проверить состояние крепостей, подготовить запасы. И главное — не позволять нашим князьям действовать каждый по собственному усмотрению.

Он повернулся к посланникам.

— Передайте старейшинам, что царский двор внимательно следит за положением. Пусть не поддаются панике, но и не считают угрозу пустыми слухами.

Когда совет закончился, Теймураз задержал сына.

— Что ты понял из услышанного?

Ираклий немного подумал.

— Что Персия сейчас слаба из-за борьбы за власть. Но если там появится сильный правитель, он может снова обратиться к Грузии.

— Хорошо. А что ещё?

— Что наши собственные князья могут воспользоваться этой борьбой, чтобы укрепить своё положение.

Теймураз одобрительно кивнул.

— Именно это меня тревожит не меньше внешней угрозы. Когда страна разделена, чужая сила получает возможность вмешиваться в её дела через местные распри.

— Но почему князья не понимают, что ослабляют всех?

— Потому что каждый из них прежде всего видит собственную выгоду. И иногда человек готов поставить под угрозу общее будущее ради того, чтобы сегодня получить больше власти.

Ираклий посмотрел на карту, висевшую на стене.

— Значит, нам нужно объединить земли?

— Нам нужно научиться жить так, чтобы единство не зависело только от желания одного царя.

Эта мысль была сложнее прежних отцовских наставлений. Ираклий не сразу понял её смысл, но почувствовал, что речь идёт о задаче, которую невозможно решить одним приказом.

В тот же день он отправился вместе с наставником Давидом за пределы дворцового сада. Они направились к небольшой возвышенности, откуда открывался вид на город и долину.

Давид был человеком немногословным, знавшим несколько языков и немало повидавшим за годы службы при дворе. Он не любил говорить с учениками готовыми фразами и чаще задавал вопросы, чем давал ответы.

— Что ты видишь? — спросил он, когда они остановились.

— Телави, сады, поля. Вдали горы.

— А если смотреть дальше?

Ираклий прищурился.

— Дороги, которые уходят к перевалам.

— А за ними?

— Другие земли. Персия, Османские владения, дороги к Чёрному морю.

— Хорошо. А теперь представь, что каждая из этих дорог может привести к нам не только купцов, но и войско.

Ираклий посмотрел на наставника.

— Ты хочешь сказать, что наше положение опасно?

— Я хочу сказать, что оно важно. А важные места редко остаются без внимания сильных соседей.

Давид достал из сумки небольшой лист с нарисованной схемой.

— Посмотри. Здесь Кахетия, здесь Картли, дальше Имеретия. А вот земли, которыми владеют отдельные князья. Видишь, насколько трудно соединить их в одну политическую силу?

— Но ведь все они грузины.

— Родство и общий язык ещё не означают согласия. У каждого дома свои интересы, свои союзники и свои старые счёты.

— Значит, нужно найти то, что объединяет их сильнее.

Давид улыбнулся.

— Вот над этим тебе и придётся думать, когда станешь старше.

Вечером Ираклий вновь встретился с отцом. Теймураз сидел за столом, разбирая донесения. Рядом лежали письма из соседних владений.

— Отец, я сегодня говорил с Давидом.

— И что он тебе сказал?

— Что дороги, которые ведут к нашей стране, могут привести и врагов. И что грузинские земли слишком разделены, чтобы противостоять им сообща.

Теймураз отложил письмо.

— Давид хорошо понимает положение.

— Но разве нельзя объединить Картли и Кахетию? Они ведь всегда были близки.

— Близость не отменяет разногласий. В Картли свои правители, свои влиятельные семьи. В Кахетии тоже не все согласны с царской властью. А западные земли живут по собственным законам и традициям. Объединение потребует не только воли, но и терпения.

— И силы?

— Иногда силы. Но если использовать только её, единство может оказаться непрочным.

Ираклий задумался.

— Тогда как же его добиться?

Теймураз посмотрел на сына.

— Не пытайся сейчас найти ответ на вопрос, над которым бьются поколения. Лучше научись понимать людей. Тот, кто не умеет слушать, никогда не сумеет объединить.

В окно проникал вечерний свет. Царь снова склонился над письмами, а Ираклий ещё некоторое время стоял рядом.

Впервые он почувствовал, что его будущее может оказаться связано не с одной Кахетией, а со всей Грузией.

И вместе с этим пониманием пришло другое: страна, которую ему предстояло однажды возглавить, уже находилась под давлением сил, гораздо более могущественных, чем любой отдельный грузинский правитель.

Ночью во дворце долго не гасли огни.

Прибывали новые сообщения. Одни говорили о перемещениях вооружённых людей, другие — о смене власти в отдалённых областях. Слуги тихо ходили по коридорам, переписывая распоряжения и передавая их гонцам.

Ираклий проснулся от звука копыт. Он подошёл к окну и увидел, как во двор въезжает очередной всадник.

Мальчик долго смотрел на него.

Он ещё не знал, что впереди его ждёт путешествие, которое изменит не только его представление о мире, но и саму его судьбу. Ему предстояло увидеть двор персидского правителя, познакомиться с порядками чужой державы и понять, что иногда человек может оказаться вдали от родины не по собственной воле.

За горами начиналась война. И её отголоски уже достигали царского дома.

Глава 5. Юноша при дворе шаха

Прошло несколько лет.

Ираклий заметно повзрослел. Его движения стали увереннее, голос окреп, а в манере держаться появилась сдержанность, свойственная людям, привыкшим внимательно наблюдать за окружающими. Он по-прежнему много времени уделял учёбе, но теперь всё чаще участвовал в разговорах взрослых.

Теймураз считал, что сын должен знать не только грузинскую историю и традиции царского дома. Ему следовало понимать устройство соседних государств, их политические интересы, обычаи дворов и характеры правителей. Для этого требовалось не просто читать книги, но и встречаться с людьми, которые могли рассказать о происходящем за пределами Кахетии.

Ираклий изучал персидский язык, знакомился с дипломатической перепиской и слушал рассказы путешественников. Иногда он задавал вопросы о Персии, и отец отвечал ему без прикрас.

— Персидский двор не похож на наш, — говорил Теймураз. — Там иные правила, иная пышность, иная иерархия. Но не думай, что богатство и церемонии означают силу государства. За роскошными залами могут скрываться раздоры, а за улыбками придворных — опасные расчёты.

— Значит, там нельзя никому доверять?

— Доверять можно человеку, а не его одежде, титулу или положению. Но прежде чем довериться, нужно понять, чего он добивается.

Однажды во дворец прибыл посланник из персидских владений. Он передал письмо и попросил личной встречи с Теймуразом. В разговоре речь шла о политическом положении в регионе, о смене власти и о необходимости поддерживать отношения с теми, кто мог в ближайшее время получить верховную власть в Персии.

Теймураз выслушал его, но не дал определённого ответа.

После встречи Ираклий спросил:

— Отец, почему мы должны поддерживать отношения с теми, кто ещё не победил?

— Потому что сегодня они могут быть претендентами, а завтра — правителями.

— А если они проиграют?

— Тогда придётся иметь дело с победителями.

— Получается, мы должны быть готовы разговаривать со всеми?

— Мы должны быть готовы защищать интересы своей страны при любом исходе.

Ираклий улыбнулся.

— Это похоже на то, как стоять между двумя противниками и не дать им столкнуть тебя.

— Иногда именно так и выглядит политика, — ответил Теймураз. — Только противников бывает не двое, а гораздо больше.

В те годы Персия оставалась пространством непрерывной борьбы за власть. После гибели Надир-шаха в 1747 году его огромная держава распалась на ряд политических центров, а различные военачальники и претенденты боролись за наследие прежнего правителя.

Одним из наиболее влиятельных среди них становился Керим-хан Зенд. Он постепенно укреплял своё положение в южных областях Персии, стремясь утвердить власть и добиться признания. В отличие от многих соперников, он обладал не только военной силой, но и способностью выстраивать отношения с местными правителями.

Для Теймураза эти перемены имели непосредственное значение. Он понимал, что новый сильный правитель рано или поздно обратит внимание на Кавказ.

В один из дней во дворец пришло известие о том, что положение в восточных областях обострилось. Персидские отряды перемещались между городами, местные владетели меняли сторону, а некоторые грузинские князья пытались заранее договориться с представителями новой власти.

Теймураз собрал совет.

— Мы должны понять, чего добивается Керим-хан, — сказал он. — Если он намерен восстановить влияние Персии на Кавказе, нам придётся искать способ сохранить собственную самостоятельность.

Один из приближённых предложил направить посольство.

Другой считал, что лучше выждать, пока борьба в Персии не завершится.

— Если мы будем ждать слишком долго, — возразил первый, — решения примут без нас.

— А если поспешим, можем оказаться на стороне проигравшего, — ответил второй.

Теймураз выслушал обоих.

— Посольство необходимо. Но оно должно говорить не о покорности, а о наших интересах. Мы готовы к переговорам, однако не станем обещать того, что не сможем выполнить.

Ираклий слушал, не вмешиваясь.

После совета отец подозвал его.

— Ты уже достаточно взрослый, чтобы понять: иногда приходится разговаривать с человеком, которому ты не доверяешь.

— Но если он сильнее нас?

— Тогда особенно важно не путать осторожность с покорностью.

Решение о поездке Ираклия в персидские владения стало частью сложной политической обстановки, в которой оказалась царская семья. В 1740-х годах он действительно оказался при дворе Надир-шаха, и это пребывание стало одним из ранних испытаний его политической и личной зрелости.

Для молодого царевича поездка была не обычным путешествием. Он покидал родную землю, где всё было знакомо: язык, обычаи, люди, горы, дороги. Впереди лежала страна, в которой его положение зависело не только от происхождения, но и от отношения могущественного правителя.

Перед отъездом Тамар долго разговаривала с сыном.

— Ты должен помнить, кто ты, — сказала она. — Но не позволяй гордости ослепить тебя.

— Я буду осторожен, мама.

— Осторожность — это не только умение молчать. Иногда нужно найти слова, которые спасут от беды. А иногда — промолчать, даже если очень хочется ответить.

Ираклий улыбнулся.

— Ты говоришь так, словно знаешь, что меня ждёт.

— Я знаю только одно: чужой двор никогда не станет твоим домом.

Она поправила ворот его одежды и перекрестила сына.

— Пусть Господь хранит тебя.

Теймураз проводил Ираклия до места, где ожидала свита. Он не стал говорить долгих напутствий.

— Смотри, слушай, запоминай. Не торопись показывать всё, что знаешь. И никогда не забывай, ради чего ты туда едешь.

— Ради Кахетии?

— Ради своей страны. Кахетия — её часть, но не вся Грузия.

Ираклий поклонился отцу, затем сел на коня.

Когда небольшая свита тронулась в путь, он ещё долго оглядывался. За спиной оставались знакомые холмы, виноградники и башни. Впереди лежала дорога, которая должна была привести его к одному из самых могущественных правителей своего времени.

Двор Надир-шаха произвёл на молодого грузинского царевича сильное впечатление.

Пышность дворцовых построек, многочисленная охрана, придворные в дорогих одеждах, строгий порядок церемоний — всё это резко отличалось от более скромной обстановки грузинского царского дома. Здесь каждый жест имел значение, каждое слово могло быть истолковано как знак уважения или неповиновения.

Надир-шах был человеком огромной военной энергии и сурового характера. Его походы принесли ему славу далеко за пределами Персии, но вместе с тем его власть держалась на страхе, дисциплине и непрерывном движении войск. Он не любил слабости и не терпел открытого неповиновения.

Ираклий понимал, что перед ним правитель, которого нельзя оценивать только по внешним манерам.

Во время первой встречи Надир-шах внимательно посмотрел на молодого грузинского царевича.

— Сколько тебе лет?

Ираклий ответил.

— Ты уже умеешь владеть оружием?

— Да, государь.

— А знаешь ли ты, что важнее для правителя — меч или ум?

— Без ума меч может погубить своего хозяина. Но без меча иногда невозможно защитить то, что тебе дорого.

Шах некоторое время смотрел на него, затем усмехнулся.

— Хороший ответ. Видно, отец учил тебя не только ездить верхом.

Ираклий поклонился.

— Я стараюсь учиться у тех, кто знает больше меня.

Надир-шах перевёл взгляд на сопровождавших царевича людей.

— Посмотрим, чему ты научишься здесь.

Встреча закончилась. Но Ираклий ещё долго помнил тяжёлый взгляд шаха и ощущение, что в этом дворце даже тишина могла быть частью политической игры.

В последующие месяцы он наблюдал за жизнью двора. Ему довелось увидеть, как принимали послов, как распределяли военные назначения, как обсуждали походы и судьбы покорённых областей. Он замечал, что за внешним величием империи скрывается сложная система личных отношений, соперничества и взаимных опасений.

Особенно его поражало отношение к власти. Здесь правитель мог одним распоряжением возвысить человека, который вчера считался никем, и столь же быстро лишить его положения. Военные командиры следили за настроением шаха, придворные старались не допустить ошибок, а посланники других государств тщательно подбирали каждое слово.

Однажды Ираклий оказался свидетелем разговора двух персидских чиновников. Они обсуждали положение в одной из областей, где местный правитель задерживал выплату налогов.

— Его нужно наказать, — сказал один.

— Если наказать слишком сурово, он поднимет людей, — возразил другой.

— Тогда заменить его.

— А кто поручится, что новый окажется лучше?

Ираклий прошёл мимо, не вмешиваясь. Но слова чиновников заставили его задуматься. Даже в огромной державе, где власть шаха казалась почти безграничной, существовали проблемы, которые нельзя было решить одним приказом.

Позже он спросил у одного из сопровождавших его людей:

— Почему шах не может просто назначить верных правителей?

Тот усмехнулся.

— Потому что верность не всегда означает способность управлять. А способный человек не всегда бывает верным.

— Значит, правитель должен искать тех, кто соединяет оба качества?

— Если найдёт, ему повезёт.

Ираклий понял, что этот урок будет важен и для него самого.

Однажды вечером, когда дворец постепенно затихал, он вышел во внутренний сад. Над стенами поднимались звёзды. Издалека доносились голоса стражников, а в фонтане тихо журчала вода.

Он подумал о Телави, о матери, об отце и о горных дорогах, которые остались далеко позади.

Ему казалось, что за время пребывания при персидском дворе он стал старше. Он увидел могущество, которое раньше представлял только по рассказам, и понял, что за блеском империи скрывается не меньше тревог, чем в небольшом грузинском царстве.

Но главное открытие было другим.

Надир-шах мог распоряжаться огромными войсками, подчинять города и менять судьбы правителей. Однако даже его власть не делала мир устойчивым. После его смерти всё, что казалось несокрушимым, могло рассыпаться в борьбе за наследство.

Ираклий поднял голову к небу.

Он ещё не знал, что ему предстоит вернуться на родину в годы, когда борьба за персидское наследие продолжится с новой силой. Не знал, что обстоятельства вновь столкнут его с людьми, претендующими на власть над огромными территориями.

Но уже начинал понимать: государство держится не только на могуществе своего правителя. Оно держится на согласии людей, на прочности законов, на доверии и на способности пережить смену поколений.

В этом смысле небольшая Грузия могла оказаться перед испытанием не менее трудным, чем сама Персия.

Ираклий ещё не был царём. Но уроки большой политики уже становились частью его жизни.

Глава 6. Испытание огнём

Персидский двор умел скрывать тревогу за блеском золота и безупречной учтивостью. Даже в те дни, когда из дальних провинций приходили вести о мятежах, когда военачальники спорили из-за назначений, а приближённые шаха внимательно следили за каждым движением друг друга, дворцовая жизнь продолжалась с прежней торжественностью. По утрам открывались тяжёлые двери залов, слуги расставляли драгоценные сосуды, музыканты занимали свои места, а чиновники являлись с докладами, стараясь не выдать ни малейшего беспокойства.

Но Ираклий уже научился различать внешнее спокойствие и настоящую устойчивость. Он видел, как быстро меняются лица придворных, когда в зал входил человек, чьё влияние начинало ослабевать. Ещё вчера его окружали почтением, сегодня с ним здоровались холоднее, а завтра могли вовсе не заметить.

Надир-шах оставался грозной фигурой. Его имя по-прежнему внушало страх отдалённым владетелям, а память о победоносных походах поддерживала авторитет монарха. Однако годы бесконечных войн, тяжёлые поборы и жестокость, которой сопровождалось укрепление власти, постепенно отдаляли его от тех, кто прежде видел в нём спасителя государства.

Однажды вечером Ираклий задержался в галерее, выходившей во внутренний сад. Там он встретил персидского военачальника, с которым несколько раз беседовал во время пребывания при дворе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.